

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

С.В. ЯРОВ

ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФОРМИЗМА: ПРЕКРАЩЕНИЕ ЗАБАСТОВОК В ПЕТРОГРАДЕ В 1917-1925 гг.

«Политическое состояние... можно охарактеризовать как удовлетворительное, объясняя тем, что... не было случаев волынки»¹, — это донесение о работе коллектива РКП(б) Выборгского Трубочного завода [94] в мае 1922 г. было довольно типичным для умонастроений тех, кто пытался обрисовать последствия стачек на фабриках и заводах после Октября. Такие замечания не были лишены преувеличений, но в том, что в забастовках упрочивались практики независимого поведения рабочих, которые в определенных ситуациях могли получить и политический оттенок, сомневаться трудно. Именно здесь заучивались сценарии сопротивления властям: утверждались формы первичных протестных действий, формировался круг активистов, способных возглавить забастовки (стачечные комитеты), намечались коды полемики с официальными взглядами, применялись крайние приемы борьбы (срыв митингов и собраний, изгнание штрейкбрехеров, «снятие» с работ вплоть до столкновений с карательными отрядами) и, наконец, вырабатывались коллективные практики поддержки арестованных.

Можно четко выделить два типа забастовок: а) массовые (весна 1918-1919 гг., зима - весна 1921 г.), охватившие десятки фабрик и заводов; в ходе их выдвигались и политические лозунги; б) одиночные выступления отдельных предприятий. Последние, ставшие преобладающими после мая 1921 г., почти исключительно были вызваны местными неурядицами и обычно сопровождались выдвижением только

Яров Сергей Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Телефон: (812) 544-57-28. **Электронная почта:** iarov@eu.spb.ru

¹ Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографии, пунктуации и стилистических особенностей оригинальных текстов. — *Прим. ред.*

экономических требований. Экономическое являлось доминирующим, собственно, во всех забастовках, но прямая зависимость между сокращением пайка и остановкой работ выявлялась не всегда. Брожения, конечно, предотвратить не удавалось, но имелось немало механизмов (в том числе и репрессивных) для того, чтобы не дать им разрастись. В Петрограде в конце января 1921 г. понизились нормы хлебных выдач, но причиной массовых забастовок стало не это, а другое: слухи о расстреле 24 февраля 1921 г. рабочей демонстрации на Васильевском острове. Стачечный взрыв, произошедший тогда в городе, обусловил, однако, выдвижение не столько политических, сколько экономических резолюций — это и был во многом ответ, хотя и запоздалый, на январскую акцию.

Вопреки большевистской догматике, предполагавшей наивысшую «сознательность» кадровых рабочих крупных промышленных предприятий, именно первых мы нередко находим в рядах наиболее активных стачечников, а крупные фабрики и заводы обычно являлись и самыми мощными забастовочными центрами в Петрограде. Забастовки происходили на Ижорском (1918 г.), Путиловском (1918, 1919, 1921 гг.) заводах, фабрике «Скороход» (1919 и 1920 гг.), Александровском (1920 г.), Обуховском (1919 г.), Невском судостроительном (1922 г.) заводах, фабрике Торнтон (1918 г.) [1; 3; 11, с. 44; 28; 111, с. 86]. Сведения о забастовках за 1918-1921 гг. отрывочны и неполны, и лишь с 1922 г. начинают составляться подробные статистические отчеты о трудовых конфликтах. По данным центрального бюро статистики труда, в Петрограде в январе – июле 1922 г. было проведено 42 забастовки, в которых приняли участие 16787 человек, — этот показатель за данный период являлся самым высоким в Советской России [11, с. 56]. С июня по сентябрь 1922 г. в городе прошло 29 забастовок с общим числом участников 10189 человек — и лишь одна из них состоялась на частном предприятии [58, с. 13]. Только в последующие годы число забастовок стало неуклонно сокращаться: 17 — в 1923 г., 14 — в 1924 г., 4 — в 1925 г. [37, с. 439]².

В советской литературе 1950-1980-х гг. причины исчезновения забастовок видели в «улучшении материального благосостояния трудящихся», повышении уровня их «сознательности», искусной и кропотливой работе партийных, государственных и профсоюзных органов по урегулированию конфликтов. В литературе 1990-х-гг. многое стали объяснять репрессиями против стачечников. Такой акцент, например, был обязательным при рассмотрении истории собрания

² Как отмечал М.В. Шкаровский, число стачек, которое меняется в сводках Петрогубпрофсовета за 1925 г. (на них и опирались историки), является неточным, «так как на 1925 г. удалось выявить 13 забастовок на государственных предприятиях» [110, с. 89].

уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в 1918 г. И те и другие факторы сыграли свою роль, но понять механизм динамики забастовок в послеоктябрьский период крайне трудно, если не рассматривать вопрос о конкретных причинах каждой из стачек. Основными причинами являлись низкая заработная плата и неудовлетворительные условия труда — как подчеркивал В. Розенберг, те же причины трудовых конфликтов были отмечены в статистике фабричной инспекции 1895-1916 гг. [58, с. 13]

В 1918-1921 гг. причины забастовок не были столь простыми, однообразными и отчетливо меркантильными, как позднее. Стаечные волны 1918, 1919 и 1921 гг. перемешивали экономические мотивировки с политическими лозунгами, и трудно было в ряде случаев выявить нечто типичное в их сценариях. Забастовки могли возникнуть вследствие производственных споров, но их дальнейшее развитие и идеологическое оформление зависели от участия в них представителей оппозиционных партий. Последние могли стать и инициаторами забастовок, устойчивость которым затем придавалась не столько возмущением политическими акциями, сколько экономическим протестом. Примечательной характеристикой политизированных резолюций, принятых на крупнейших предприятиях в 1918, 1919 и 1921 гг., стало и то, что экономические требования не столько отражали проблемы отдельного предприятия, сколько касались положения хозяйства России и претендовали на выражение интересов всех рабочих страны. В этом можно обнаружить умелую руку социалистов, имевших, как и их противники, солидный опыт составления митинговых резолюций.

Разнообразие поводов для объявления стачек, которое заметно выделяло эпоху 1918-1921 гг. на фоне последующих лет, было обусловлено многими причинами. Сказались прежде всего специфическое «переходное» состояние государства, экспериментальная по своей сути практика закрепления нового политического режима, имевшая неожиданные и непредсказуемые повороты, нестабильная военная, политическая и экономическая ситуация в России. Перечень условий, необходимых для возобновления работы, не ограничивался поэтому монотонным перечислением требований о повышении заработка или выдаче одежды, но удивлял необычными гранями. Так, причиной забастовки на Невском судостроительном заводе весной 1918 г. стала боязнь, что в спешке эвакуации ввиду приближения немцев к Петрограду рабочие не получат причитающегося им жалованья. На собрании служащих завода было решено «не приступать к работам и добиваться получения вперед жалованья на 1 1/2 месяца» [76]³; о таких же требованиях рабочих других заводов сообщалось и в «Красной газете» [13]. Забастовка на заводе Сименс-Шукерт, как утверждал его представитель на заседании Петроградского совета 14 марта 1919 г., «возникла не из-за

³ Впрочем, и выполнение этого условия не гарантировало прекращение стачки: «потом видно будет, начинать работать или обождать» [76].

продовольствия, а потому что заводский комитет выставил кандидатами в организующееся в Москве объединенное правление трестированных электротехнических предприятий исключительно членов самого заводского комитета, не спросив мнения рабочих» [29]. Общее собрание типографии Сыркина угрожало в январе 1921 г. «оставить работу», если рабочие не будут переведены в государственные типографии, — альтернативой могла быть только выдача «усиленных пайков» [54]. Массовые стачки февраля – марта 1921 г. вообще в некоторых отношениях представляют собой диковинную картину. Многие бастовавшие мелкие предприятия даже не предъявляли никаких требований, но зато внимательно следили за тем, продолжают ли бастовать, например, Трубочный или Балтийский заводы. Едва стачка на них закончилась, как тут же возобновили работу и менее крупные фабрики и заводы — без попыток выторговать хоть какие-то уступки⁴. Симптомы такой тактики, впрочем, можно было обнаружить и ранее: в качестве причин забастовки на фабрике Гука в июле 1919 г. были названы «продовольств[енные] затруднения и отказ в выдаче материи», но работа была приостановлена только тогда, когда стало «известно о брожении рабочих в других районах» [52].

Забастовки 1918-1920-х гг. имели несколько отличительных особенностей. Во-первых, они не обязательно были следствием крайнего обострения нужды и лишений. Поводом для стачек могли быть и не очень значительные инциденты, во всяком случае, не затрагивающие ощутимо благополучие рабочих. Еще не слишком запуганные репрессиями и не скованные советскими производственными ритуалами рабочие могли позволить себе роскошь откликаться и на то, что прямо не касалось их заработков, — политические события, призыв оппозиционных партий и даже на мелкие происшествия. Во-вторых, стачки имели достаточно организованный и затяжной характер. Не все структуры оппозиционных партий, часто выступавших инициаторами забастовок, были, как позднее, «разрушены до основания». Не сразу пришло и понимание того, что многодневные стачки не заставляют работодателей быть сговорчивее, но скорее побуждают их изыскивать жесткие и репрессивные меры подавления, а стачечные комитеты рискуют оказаться в полном составе на Гореховой, 2⁵. В-третьих, лишь в это время можно обнаружить, хотя и редко, чисто политическую стачку. Тогда и только тогда мы находим в коллективных документах рабочих протест против курса большевиков. Сформированные до и после февраля 1917 г. забастовочные стереотипы исчезали медленно, поскольку политический режим являлся пока неустойчивым, поскольку

⁴ Так как сведения об этом в газетах не публиковались, часто пользовались слухами.

⁵ По этому адресу с декабря 1917 по март 1918 гг. находилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией во главе с Ф.Э. Дзержинским, затем до 1932 г. — Петроградская ЧК и ОГПУ. — *Прим. ред.*

еще не были отшлифованы необходимые инструменты подчинения; сам их набор отличался скудостью, а применение ограничивалось идеологическими табу, отмененными не сразу. Были, разумеется, и в это время и увольнения, и аресты, и антизабастовочная кампания, и запугивания — но собственно норма лояльного поведения рабочих только формировалась, их действия являлись довольно раскованными и бескомпромиссными, и мысль о наказаниях не вызывала устойчивый синдром, который обнаруживается в стачках 1921-1925 гг.

Характерные признаки стачечного движения этого периода — сокращение числа забастовок и их продолжительности, а также количества их участников. И самое главное — стачки вспыхивают только тогда, когда возникает прямая угроза не просто благополучию, а скорее выживанию людей. Политические мотивы при этом не играют почти никакой роли, никто не бастует лишь из-за вражды к завкому или ради освобождения арестованных, никто не останавливает станки из-за мелочей. Профсоюзы признавали, правда неохотно, стачку лишь крайней мерой, когда исчерпывались все пути решения проблемы — таковой она и стала в годы НЭПа. Задержка выплаты жалованья в условиях галопирующей инфляции, выдача его обесцененными облигациями, повышение норм выработки или снижение тарифных расценок, отсутствие надбавки за дороговизну, низкая зарплата — этим и ограничивались поводы для забастовок, организованных в 1921-1925 гг. на заводах Путиловском, Балтийском, Металлическом, Кабельном, Стекольном, «Промет», «Электросила», «Новый Леснер», «Севкабель», «Красный гвоздильщик», на Монетном дворе, на фабриках им. Урицкого, «Скороход», на Путиловской и Финляндской верфях [37, с. 34; 69-73; 104; 108; 110, с. 90-93]. Попутно выдвигались и другие требования, менее значимые, но конфликт чаще всего возникал именно тогда, когда понижался собственно прожиточный минимум. Примечательно, что стачки организовывались обычно только в тех случаях, когда затрагивались групповые интересы рабочих. Когда же речь шла об увольнении отдельных рабочих, на фабриках и заводах, как правило, не бастовали, предпочитая, чтобы каждый из увольняемых самостоятельно решал свои проблемы⁶. Стоит обратить внимание и на продолжительность забастовок. Обычно она составляла 1-2 дня, но нередко длилась от 1,5 до 4 часов; случались и получасовые забастовки [37, с. 344; 110, с. 90-93].

Итак, четко обозначаются основные тенденции стачечного движения во время НЭПа: оно угасает, лишается размаха, становится крайне осторожным и политически лояльным. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо. Чисто политических забастовок в

⁶ И это притом, что конфликты, связанные с увольнением, составили в 1922 г. 29,9%, а в 1923 г. — 32,6% дел, разобранных профсоюзами [39, с. 143].

Петрограде в 1918-1925 гг. почти не было. Была лишь одна всеобщая политическая стачка, организованная 2 июля 1918 г. Чрезвычайным собранием уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, руководимого меньшевиками. Правда, и политической, и всеобщей ее назвать трудно. Бастовало всего несколько предприятий (около 20 тысяч человек), причем некоторые из них позднее опровергали сообщения о своем участии в стачках. Сами рабочие — забастовщики на местах — и это показательно — обычно не создавали политических документов. Они просто откликнулись на призывы Чрезвычайного собрания уполномоченных, которые, разумеется, политикой были пропитаны полностью. Конечно, и такое выступление можно считать политическим, но недостаток источников, их лаконичность и фрагментарность не позволяют воссоздать в деталях технику подобного «присоединения». Одобрение на некоторых бастовавших 2 июля 1918 г. предприятиях постановлений, требовавших наказать организаторов волнений, весьма примечательно: произошло это всего через несколько дней после окончания забастовки. Комментаторы сборника «Питерские рабочие и “диктатура пролетариата”» допускают, что данные резолюции принимались не самими рабочими, а «от их имени» [37, с. 148]. Можно предположить, что давление, оказанное позднее на рабочих, было мощным, а их сопротивление нестойким, — но ряд сохранившихся документов придает картине событий 2 июля неожиданные краски.

Среди них — протокол общего собрания фабрики «А.Н. Шапошников и К°» 3 июля 1918 г. Выступавший на собрании слесарь Швецов в забастовке «винил исключительно инициаторов созыва общего собрания рабочих 2 июля, а именно т. т. Балунова, Рогушина и Панова». Они смогли «только созвать собрание, а почему и откуда исходят слухи и является необходимость в устройстве однодневной забастовки, никто из них не постарался доложить и разъяснить собранию... Бывший председатель собрания Балунов, после речи единственного неизвестно откуда появившегося оратора... сразу поставил вопрос на баллотировку, не предложив высказаться по вопросу дня желающим из рабочих и служащих Товарищества» [37, с. 144]. Как следует из протокола, собрание выслушало эту речь, не прерывая ее репликами. Видимо, стоит объяснить это испугом и угрозами, но нельзя не признать, что сценарий собрания 2 июля очень уж похож на сценарии многих других собраний, обычно рутинных и не политических. Они отражены в сотнях документов: выступает один оратор, прений нет, голосуют автоматически.

Прервана была даже не репликами, а криками речь следующего оратора, слесаря Яковлева: «...в забастовке нельзя обвинять единственных личностей, а вина падает на все общее собрание, постановившее почти единогласно не работать» [37, с. 144]. То, что произошло затем, сложно объяснить, не зная мотивов и источников страха присутствовавших. Данная речь, например, могла быть воспринята и как компрометация тех, кто желал выставить себя обманутыми. Помалкивавшие, как видно по протоколу собрания, об участии в забастовке, своим молчанием показывавшие,

что они не прочь возложить ответственность за это на других — вдруг оказались обвиненными скопом. Речь Яковлева могла быть воспринята и как вызов, желание обличить и опозорить рабочих, и даже как доносительство. Протоколист скрупулезно записал речи всех девяти человек, выступавших на собрании, но после замечания Яковлева никто не взял слова: хотя возмущение охватило многих, внятно и аргументированно высказать его почему-то не рискнули. Яковлеву ответили по-другому: «Масса присутствовавших на собрании закричала и своим шумом и возгласами протеста заставила прекратить речь и категорически отказалась выслушать предложенную оратором резолюцию» [37, с. 144]. Тут и случилось то, что заставляет с определенным доверием отнестись к рассказу слесаря Шевцова о схеме проведения собрания 2 июля: «Были поставлены на голосование две резолюции: первая, предложенная членом Петроградской коммуны тов. Михайловым, и вторая слесарем фабрики тов. Яковлевым, причем была принята единогласно и вынесена первая» [37, с. 144]. Голосовали единогласно, отвергли оппозиционную резолюцию, даже не пожелав узнать о ее содержании, — такой была реакция собрания, еще вчера столь же единогласно принимавшего решение о поддержке политической стачки.

Знаменитая забастовка на Путиловском заводе в марте 1919 г., в ходе которой наряду с экономическими требованиями звучали и политические лозунги, выявляет для нас все ту же двусмысленность политической забастовки. Возникла она из-за нехватки продовольствия — об этом и говорилось на стихийно созванном общем собрании рабочих. Митинги на заводе «приняли политическую окраску» только после того, как «выступили перед толпой некоторые из рабочих левозсеровской ориентации» [31]. «Политическая окраска», однако, с трудом ощущается в последующих действиях рабочих. Как сообщал корреспондент «Петроградской правды», «многих успокоило», едва им были даны «уверения, что 12 или 13 числа будет выдаваться бронированный паек» [31]. Это окончательно смыло всю «политическую окраску». Как утверждалось в газете, «все последующие дни наступило сравнительное успокоение», поскольку «большинство рабочих ждало обещанного 12 числа» [31]. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов желание газеты преуменьшить политизацию стачки, но при изучении документов тех дней отчетливо видно, что именно вопрос о продовольствии являлся тем, что определяло «маятниковые» колебания настроения людей. Умиротворение наступало лишь тогда, когда рабочим что-то обещали, а позднее — когда им угрожали. Попутно с эскалацией конфликта обнаруживалось и политическое — в речах, постановлениях и выкриках рабочих. Это побочный «продукт» волнений, но не их причина и не их усилитель — скорее термометр, по которому можно определить степень накала борьбы. В принятой в марте 1919 г. «политической» резолюции путиловцев, передававшейся затем на другие предприятия, отразилась специфика бытования «политического» в экономическом споре, присущая эпохе «военного коммунизма». Это крайне осторожный документ, в котором

строго дозированный и выраженный туманным языком политический протест служил прелюдией к тому, чтобы четче обозначить конкретные экономические требования. О степени же радикальности пожеланий путиловцев хорошо свидетельствует 4-й пункт одобренного ими постановления: «Для успокоения рабочей массы, законно и естественно возмущающейся, мы требуем себе права организации ревизионного рабочего совета, могущего вмешиваться в органы государственного распределения с целью внести в них систему и планомерность, а также могущие устранить типичное для наших дней взяточничество» [75].

Примечательно, как происходила в эти дни политизация забастовок на заводах Артур Коппель и Речкина. По мнению «Петроградской правды», «политическая стачка коппелевских рабочих имела, пожалуй, больше опереточный характер»: «кто-то слышал о том, что Путиловский бастует.

Пожелали узнать, правда ли? Правда. Посланные принесли с собой резолюции и прокламации.

Все это прочитали у выходных ворот во всеуслышание. Приняли резолюцию путиловцев и решили не работать» [32].

Утрировка газетой простоты забастовочных действий коппелевцев, подчеркнутая фельетонной разбивкой предложений в заметке, не случайна. Вообще безграмотность и примитивность речей и поступков рабочих обычно отмечалась коммунистической прессой как раз тогда, когда дело касалось их участия в забастовках или оппозиционных выступлениях. В других случаях сакрализованный облик пролетария не только не решались исказить, но и умело использовали в «агитках». Но если комичность в описании стачки, достигаемая посредством гротескного ускорения смены забастовочных эпизодов, может показаться нарочитой, то схему действий коппелевцев нельзя всерьез не признать типичной ввиду близости ее к сценариям других «политических» забастовок, особенно четко проявлявшихся в феврале - марте 1921 г.

Стачка продолжалась, по свидетельству газеты, два дня — пока не привезли на завод дрова, которые надо было выгружать. За выгрузкой дров как-то сподручнее оказалось созвать новое собрание, там наладились и переговоры, а затем «приступили к работам и теперь все течет по-прежнему» [32]. На переговорах, возможно, что-то и посулили, но сомнительно, чтобы местный завком, обычно занимавшийся тогда улаживанием споров, пообещал политические перемены в стране.

«Приняло политический характер», по утверждению корреспондента «Петроградской правды», и собрание, состоявшееся во время забастовки на заводе Речкина в марте 1919 г. Политизация началась тогда, когда стали составлять резолюцию собрания. Прибывшие после этого срочно на завод представители Союза металлистов «успеха не имели», но показательна сама эта резолюция, рожденная, казалось, в пылу политических споров: «уравнять в хлебном пайке всех граждан, независимо от исполняемой ими работы» [32].

Таковым являлся первый этап политизации. Второй этап наступил, как только речкинцы узнали о начале забастовки на Путиловском заводе. К путиловцам отрядили делегацию рабочих, которые принесли «резолюцию с прокламациями», — их на заводе Речкина одобрили «подавляющим большинством собравшихся» [32]. Выразили и солидарность с путиловцами, послали узнать, что делается на других заводах — но едва узнали, что путиловцы прекратили забастовку, поспешили окончить ее и на заводе Речкина.

Рассмотрим сценарий стачки. Она началась на заводе в связи с исключением из списка снабжения по 1-й группе 150 человек, ввиду затяжки конфликта дважды приобретала политический оттенок, но завершилась ничем — не удовлетворены были не только политические, но и экономические требования. Не исключено, что политическое могло тут быть и средством давления на власти, и естественным следствием отказа выполнить просьбы рабочих, что привело к радикализации их настроений. Несомненно одно: оно и здесь, и на заводе Артур Коппель не стало чем-то принципиальным, не было тем, чем бы дорожили, что упорно отстаивали и от чего с трудом отказывались бы. Оно являлось своеобразным «декором» волнений, возникшим, конечно, не случайно, но и не случайно ставшим разменной монетой в торге рабочих с властями.

Наиболее ярко тенденции, которые стали намечаться в политизированных рабочих волнениях 1918-1919 гг., проявились во время массовых стачек февраля – марта 1921 г. Одобрение политических резолюций без дискуссий, посредством простого присоединения к решениям других предприятий (в данном случае — завода «Новый Лесснер» и Нобель), постепенная радикализация политических лозунгов вследствие затягивания конфликтов, выдвижение их вкуче с экономическими требованиями и прекращение стачек по мере выполнения лишь последних — все это было типично для завершающего и самого мощного после 1917 г. стачечного взрыва в городе. В одной из сводок о настроениях рабочих сообщался, например, слух о том, что они решили примкнуть к восставшим кронштадтцам в том случае, если инструкторам на фабрике выдадут хлеб [103]. Жесткие политические резолюции, лишённые умолчаний и двусмысленных оговорок, стали таковыми не сразу. На это особо обратил внимание хорошо осведомленный о событиях тех дней лидер меньшевиков Ф.И. Дан, находившийся в Петрограде под арестом: «Наряду с требованием свободной торговли начали постепенно выдвигаться и другие лозунги уничтожения коммунистических ячеек («комячеек») на фабриках и заводах... свободы слова, свободы выборов в Советы и т. д.» [7, с. 106]. Заметим, что радикализация политических постановлений происходила тогда весьма быстро. «Прекращение террора» требовали на многих предприятиях в конце февраля 1921 г., а еще 8 февраля

представители рабочих Выборгской бумагопрядильной фабрики выражали свое недовольство политическим курсом таким языком: «Совместно обсудив вопрос о рабочих, стоящих во главе наших высших органов, мы находим, что недостаточно интенсивно энергично работают на местах нашей текстильной отрасли, так как недостаточно знакомы с ведением текстильного дела» [46].

Говоря о политизации забастовок, представители различных структур власти обычно считали ее инициаторами социалистов-меньшевиков и эсеров [20, 35]. В направленных против них «агитках» механизм политизации описывается просто и обнаженно: «Всякая волынка начинается... с этих разбитых стекол, ложек, стаканов, тарелок, рваных сапог, и лишь потом ... эсеры и меньшевики подсовывают свои свободы» [23]. Во многих случаях стремились вообще все забастовки объяснить эсеро-меньшевистскими происками. Никаких конкретных фактов при этом, как правило, не приводилось. Довольствовались лишь намеками и предположениями, а нередко обходились и без них. Организованность, стойкость, политически нелояльные высказывания — эти характеристики забастовщиков являлись достаточными для того, чтобы связывать их действия исключительно с инициативой социалистов. Когда стало известно, что во время забастовки летом 1920 г. на фабрике «Скороход» группа рабочих «призывала к борьбе с правительством», на заседании бюро Московского райкома РКП(б) сочли, что «по всем данным видно, что организовано действуют меньшевики и эсеры, которые подстрекают рабочих к выступлению на фабриках и заводах района» [37, с. 205]. То же нередко происходило и в других случаях — по тогдашним нравам достаточно было поставить вопрос, кому это выгодно, чтобы сделать излишним ответ на него. Если «волынки» совпадали по времени с ухудшением обстановки на фронтах, то не стеснялись приписывать их и агентам Антанты и белогвардейским генералам, считая, разумеется, социалистов их прислужниками.

Эсеры и меньшевики, не отрицая своего участия в ряде стачек, однако, предпочитали говорить о забастовочном движении скорее как о стихийной акции. Тем самым они получали возможность подчеркнуть пагубность курса большевиков, сославшись на мнение рабочих, которые не могли быть не правы, поскольку в социалистической мифологии им приписывали сакральный характер. Признание стихийности забастовочных акций рассматривалось и как аргумент против преследований: социалисты небеспочвенно подозревали своих противников в том, что обвинениями в организации стачек они подготавливали условия для применения репрессий к политической оппозиции.

Тем не менее, коль скоро речь заходила о политических резолюциях, и социалисты во многих случаях не отрицали своего авторства. Об этом, в частности, прямо говорит в своих воспоминаниях

Ф.И. Дан. Такие резолюции сразу обращают на себя внимание, отличаясь от большевистских, может быть, меньшей грубостью и большей складностью. Им присущ особый клишированный и отнюдь не «низовой язык», с прочно впаянными в него политическими лозунгами. С просторечием коммунистических листовок, искусственным или естественным, здесь сталкиваешься редко. Конкретные экономические требования, содержащиеся в постановлениях, либо откровенно диссонируют с политической частью документа, либо заменяются тезисами о неких абстрактных нуждах людей труда.

Интереснее другой вопрос — о подлинной значимости политических резолюций для забастовщиков, их роли в упрочении форм рабочего сопротивления. Мало сказать, что такие резолюции часто принимались на слух, без дискуссий и без участия в их составлении рабочих. К этому надо добавить, что никаких переговоров о политических требованиях (в отличие от экономических) никто не вел и не предполагал вести, никто серьезно не предлагал ждать их выполнения и вообще едва ли кто, за исключением партийной оппозиции, ожидал чего-то от этих резолюций. Они реально оказывались вне трудового спора, хотя и были его символом.

Политических забастовок в Петрограде после 1921 г. почти не было, о «забастовочных» политических постановлениях и вообще не слышно. Подозрения, что «волынки» организовали социалисты, в это время не только не стерлись, но еще и укрепились, однако доказательства этого, как они представлены в официальных документах, вызывают еще меньше доверия, чем в прошлом. Их главный недостаток — скудость конкретных фактов и фрагментарность в описаниях инцидентов. Мы имеем дело только с официальными отчетами и справками и должны верить лишь «общим впечатлениям» информаторов, зачастую без какой-либо возможности проверить их с помощью других источников. Если протоколы выступлений на партийных и профсоюзных конференциях выполнены добросовестно, то можно заметить, что поводом для разговоров о политизации была либо найденная рядом с заводом оппозиционная листовка, либо участие в забастовке исключенных из РКП(б), либо чей-то выкрик, в котором усмотрели политический смысл.

Чем более редкими и необычными становились такие реплики и прокламации, тем больший резонанс они получали. Их могли не заметить во время стачечных волн прошедших лет, когда одобряли десятки антиправительственных постановлений, но не на фоне почти тотальной политической лояльности. Лишь иногда мы имеем возможность детально рассмотреть стачки, происхождение которых связывалось с политической интригой, и оценить степень правомерности столь далеко идущих выводов.

Одна из таких забастовок произошла на Центральной фабрике по производству одежды в марте 1923 г. В требованиях фабричных рабочих

даже при большом желании «политику» обнаружить трудно: «1. Пересмотреть и уменьшить нормы. 2. Уплатить всем по тарифу независимо. 3. Сменить раб[отников] отдела нормирования. 4. Немедленно переизбрать фабком. 5. Никого не увольнять» [97]. Никаких пространственных постановлений о свободе труда, демократии, прекращении террора или о крахе экономики России, привычных для «резюмированного» творчества социалистов. Краткость и шероховатость языка документа явно указывают на то, что он принадлежит самим рабочим, не привыкшим к литературному труду и «гладкой» речи. Возможно, первичным импульсом для того, чтобы заподозрить стачечников в политических амбициях, были именно их упорство и бескомпромиссность. Откуда они появились у лояльных еще недавно рабочих? Не иначе как действует сплоченная организованная группа, а где организация, там и меньшевики — цепочка таких умозаключений являлась традиционной для кодов мышления представителей различных структур власти, как они отражены в многочисленных документах первых послереволюционных лет.

Несмотря на усилия профсоюзов ликвидировать конфликт с помощью общего и делегатского собраний, все их предложения «были отвергнуты и приняты предложения специально избранной комиссии от рабочих, которая носила характер явно эсеровской организации» [36, л. 1]. Эти утверждения содержались в письме, направленном секретариатом Петроградского губернского отдела Всероссийского союза рабочих швейной промышленности в марте 1923 г. Мотивировки их приведены не были, вероятно, отчасти их объясняют другие документы, посвященные этому событию и сохранившиеся в архивах. В письме начальника экономического отдела Петроградского губернского отдела ОГПУ начальнику ПГО ОГПУ Мессингу, не очень грамотно составленном и порой невнятном, также говорится об определенной группе, которая использовала рассмотрение экономических требований так, чтобы «оно имело политическую подкладку» [36, л. 4]. Из письма не очень ясно, была ли такая группа собственно той «тройкой», которую выделила из своего состава избранная собранием комиссия для более конкретного изучения и разъяснения просьб рабочих. Но характеристика «тройки» дается, и она помогает понять и интерес чекистов к заурядному производственному спору и степени разветвленности их слежки, и те зоркость и бдительность, которые проявляли, желая разобраться в причинах конфликта, и те аргументы, которых оказывалось достаточно для того, чтобы выявить политическую подоплеку «волынки». Вот ее содержание: «Характеристика о выделенной тройке.

1). Дедов Георгий Андреевич, по сведениям меньшевик, отец его расстрелян за контрреволюцию... бывший бухгалтер, работает в качестве портного на Центральной ф[абрике], во время волынки обходил все мастерские, призывая рабочих к остановке работы. 2) Готлиб

Иосиф Цалевич, по сведениям быв[ший] комиссар дивизии... в настоящее время является противником Советской власти, на всех собраниях ведет себя крайне вызывающе и будирует массу. 3) Ефимов Михаил Ефимович, по сведениям бывший писарь, с[оциалист]-р[еволюционер], всегда будоражит рабочих» [36, л. 1].

Антисоветских действий во время забастовки на фабрике члены «тройки» не предпринимали. Правда, в той же «характеристике» утверждалось, что «они настаивали на разгоне фабкома и конф[ликтно]-расценочной комиссии» [36, л. 1], но это, однако, не то же самое, что разгон правительства. Действовали они «легально», что подчеркивалось и в этом, и в других документах. Достаточных улик для преследования нет — но, может, поискать их иначе, рассмотрев биографии подозреваемых. Сведения о них представляют собой сводку именно компрометирующих (по меркам того времени) материалов. Они отрывочны и, возможно, в какой-то части основаны на слухах: в дополнении к характеристикам уточнялось, что «впоследствии выяснилась личность гр[ажданина] Дедова, назвавшего себя анархистом-коммунистом» [36, л. 1]. Но и этого достаточно. Общее мнение создано, и оно усиливается рядом акцентов в сопутствующих документах: это враги, а то, что их нельзя поймать на неосторожном слове, нельзя обвинить в агитации или инакомыслии, объясняется просто — маскировкой. «Выбранная тройка носила ярко выраженную партийную антисоветскую физиономию и движение направлялось в соответствующую сторону, однако весьма осторожно» [36, л. 7 об] — не имей мы, кроме этого примечания к бланку о регистрации забастовки на предприятии, иных данных, механизм фабрикации сведений о политизации забастовки не выявлялся бы столь отчетливо.

Политические забастовки начинаются с зимы - весны 1918 г. Они становились в это время таковыми везде, где конфликт затягивался, когда нельзя было, лавируя, удовлетворять поочередно потребность в хлебе то одной, то другой фабрики, поскольку запасов не было и не предвиделось. Политические забастовки расширялись и упрочивались посредством независимых организационных рабочих структур — Чрезвычайного собрания уполномоченных и ряда других, — оформленные стройными, логичными, похожими порой на агитационные воззвания антиправительственными резолюциями. Их подкрепляли еще не утраченные стачечные традиции прошлых лет, еще не изжитые формы коллективной взаимоподдержки, не совсем разрушенные структуры оппозиционных партий, не полностью запрещенная свободная печать. Они не испытали еще тотального давления, вплоть до повальных арестов. Репрессивные органы остерегались в первое время, отчасти ввиду обусловленной большевистской догматикой «сакральности» пролетариев, применять крутые меры.

Политические забастовки после лета 1918 г. постепенно теряют свою радикальность как из-за безуспешности тактики Чрезвычайного

собраний, так и вследствие ужесточения позиции властей, быстро перешедших к террору, более умелой работы пропагандистов, успешных к этому времени накопить целый арсенал антизабастовочных аргументов, и из-за ликвидации независимых партий, профсоюзов, газет. Сказалось и усиление нищеты, заставлявшее опасаться утратить последнее. Экономическое в таких забастовках начинает преобладать над политическим. Требования смены режима сменяются просьбами о смягчении проводимого им курса и все чаще сопровождаются ссылками на интересы Советской власти и собственную лояльность.

В этих забастовках, в которых пытались выискывать «политику», примечательны не коллективные политические резолюции, которые становятся более краткими и менее резкими, а затем и исчезают, а скорее «выкрик сзади», шепот несогласных, и наконец, молчание на собраниях и просьбы председателей к присутствующим хоть как-то высказаться вместе с обещанием не производить арестов после выступлений. Стачечный взрыв 1921 г. явственно показал, что, несмотря на заметный интерес, проявленный к составленным меньшевиками и одобренным на заводах «Новый Леснер» и «Нобель» прокламациям-резолюциям⁷, цепной реакции политических постановлений на бастующих предприятиях не произошло. Позднее для того чтобы заподозрить забастовку в политической «неблагонадежности», зачастую не требовалось ни оппозиционных резолюций, ни антисоветских реплик. Достаточно было, как это сделало бюро Ленинградского губкома РКП(б) во время забастовки строителей в июле 1925 г., обнаружить наличие в их среде «антисоветского» и «контрреволюционного» элемента, чтобы счесть, что именно его деятельность, а не плохие материальные условия рабочих, являлись причинами «волынки» [37, с. 341]. Чем менее заметными становились политические противники, тем более изоощренно их искали, ожидая маскировку, чем реже обнаруживалась политизация «волынок», тем более мощный резонанс они вызывали как что-то необычное, экстраординарное, не укладывающееся в ставшие привычными нормы и рамки нового общества. Деградация и исчезновение политических забастовок шли еще более быстрыми темпами, чем ликвидация обычных экономических стачек. Они перестают быть лабораториями сопротивления, а, напротив, превращаются в поучительную школу для всякого, кто осмелился бросить вызов властям. Практика таких забастовок, как ни парадоксально, тогда являлась наглядной иллюстрацией ценности конформистских действий: человек узнавал о том, какими возможностями обладали власти, насколько он одинок, что ему угрожает и что необходимо сделать, чтобы отвести от себя угрозу.

⁷ Они передавались затем на различные предприятия и там дополнялись преимущественно «материальными» пунктами.

Причины затухания стачечной активности в 1917-1925 гг. разнообразны, но их трудно оценить, не приняв во внимание последовательную стабилизацию и упрочение нового режима, проявившиеся во многих сферах: экономической, политической, идеологической, социальной. Нельзя, однако, не отметить особо и значимость тех действий, которыми непосредственно пытались ограничить размах забастовочного движения.

Урегулированием трудовых споров в первые послереволюционные годы обычно занимались профсоюзы. Какое-то время до лета 1918 г. существовала Центральная примирительная камера, но чем запутаннее и хаотичнее становились трудовые отношения в эпоху поспешной национализации, объявленной, но не доведенной до конца, тем более зыбкой становилась та почва законности и юридических правил, на которой пыталась основать свою работу примкамера. Недовольные ее правовой казуистикой рабочие предпочитали независимому арбитражу третейские суды, образованные на паритетных началах из рабочих и администрации. Урегулирование конфликтов в конечном счете свелось к импровизациям профсоюзных комитетов разных уровней, действовавших не всегда в рамках законов, но часто в пределах своих возможностей и связей и уповавших скорее на закулисные комбинации и на «революционное сознание», чем на беспристрастность правосудия. Иначе, впрочем, и трудно было работать в тех условиях, когда мало какой декрет о правах «трудящегося и эксплуатируемого народа» мог исполняться ввиду всеобщей разрухи, голода и нищеты. Отсутствие четких, жестких и признаваемых обязательными ритуалов решения споров в какой-то мере провоцировало стачечную активность: не исчезали надежды, что профсоюзам удастся как-то извернуться и, используя свое влияние, решить дело не так, как требовал закон, а как того хотели рабочие. Со временем данный порядок начал признаваться устаревшим и неприемлемым для централизованной экономики. Профсоюзам попытались отвести более скромную роль — посредников между работниками и вновь созданными государственными органами по урегулированию трудовых споров, что и вынудило пойти на эксперимент с Расценочно-конфликтными комиссиями (РКК). Попытку эту нельзя признать совсем удачной. РКК были созданы в соответствии с принятым в январе 1922 г. декретом Совнаркома РСФСР «О порядке разрешения конфликтов на почве применения наемного труда в негосударственных предприятиях и учреждениях». Собственно, именно этими предприятиями, как полагали в первое время, и следовало заниматься РКК. Дело было не только в том, что не хотели признавать наличие конфликтов в государственной промышленности и создавать там органы, существование которых спровоцировало бы усиление потока жалоб и прошений. На частных предприятиях профсоюзы были заметно слабее, чем на государственных, а приемлемые для последних импровизации при

разрешении конфликтов не очень-то годились для отношений с нэпманами. Правовой произвол давал им возможность уклониться от выполнения коллективных договоров, а не ограниченное юридическими рамками давление на них профсоюзов противоречило основным целям новой экономической политики.

Эта первоначальная схема арбитража не осталась, однако, неизменной. Спустя несколько месяцев после начала работы РКК была значительно расширена сфера их полномочий — стало ясно, что их опыт может быть полезен и в государственной промышленности [39, с. 128-129]. Расценочно-конфликтные комиссии были образованы и на национализированных предприятиях, вся схема арбитража заметно усложнилась. Наряду с конфликтной комиссией при Губернском отделе труда существовали конфликтные комиссии в отраслевых профсоюзах. Сценарий улаживания споров, получив большую упорядоченность, жесткость и четкость, воплощался теперь в жизнь не одним, а несколькими исполнителями, чьи приемы не всегда были одинаковыми, но всегда имели одну цель.

Значимость РКК трудно переоценить. Создавался специальный орган, чьи представители являлись более компетентными в мелочах трудовых споров, чем грешившие дилетантизмом многочисленные профсоюзные активисты. Работники РКК занимались не столько произнесением агитационных речей с антистачечными призывами, сколько скрупулезной проверкой тарифных расценок и норм выработки — тем самым их позиция становилась более аргументированной в дискуссиях с забастовщиками. С образованием РКК в урегулировании конфликтов стал очевиден переход, правда, не очень быстрый, от импровизации к ритуалу, обусловленному более жесткими правилами и предполагавшему обязательность выполнения решений, хотя это и не фиксировалось в законах [39, с. 133-134].

Урегулирование забастовок мирным путем при помощи комиссий было приоритетным в 1918-1925 гг. Редко провоцировали конфликт нарочно, и ставшая надежнее к началу 1920-х-гг. статистика отчетливо показывает, что в 1922-1923 гг. значительная часть (иногда свыше 50%) трудовых споров в Петрограде решалась в пользу рабочих [58]. Происходило это не только из-за стремления профсоюзов поддерживать свою репутацию защитников прав рабочих, но и вследствие очевидных нарушений трудового законодательства, совершавшихся администрацией предприятий. Заминка обычно возникала в случаях, когда рабочие требовали сверх того, что им было положено. Спор при этом нередко из правовых рамок переходил в область этики. Дискуссии о справедливости, о праве пролетариев на лучший паек, о невозможности прожить на низкие заработки оказывались куда более долгими и чаще беспредметными. Шли навстречу стачечникам предельно осторожно в этих случаях еще и потому, что

это могло быть воспринято как прецедент и вызвать цепную реакцию рабочих той же или других специальностей, которые не считали себя менее квалифицированными.

Диалог между стачечниками, профсоюзами, РКК и администрацией не менее эффективно, нежели иные инструменты, способствовал упрочению сценариев конформистского поведения. Удовлетворение хотя бы части просьб до начала эскалации конфликта во многих случаях приводило к закреплению специфического «рефлекса подчинения»: эти просьбы склонны были выполняться в меньшей степени, если спор заканчивался «самочинной» забастовкой, и на них старались вообще демонстративно не обращать внимание, если он приобретал политический оттенок. Люди приучались жить по норме, не ими, конечно, установленной: соблюдение ее сулило «пряник», нарушение — «кнул». Рабочие транспорта «усиленно работали во время волынки и теперь требуют компенсации», в профсоюзах пищевиков, деревообделочников, строительных рабочих «было спокойно, и рабочие просят, чтобы это было отмечено» — говорилось, например, на заседании организаторов фракции РКП(б) профсоюзов города 22 марта 1921 г. [81]. Выполнение требований, если они вели к восстановлению определенного властями порядка, компромиссные уступки, если рабочие, хотя и просили большего, довольствовались подачками, отказ, если они упорствовали и останавливали предприятия, — повторение таких сценариев в различных конфликтных ситуациях вырабатывало своеобразный ритуал самоограничения действий их участников. Отчасти и вследствие этого, чем дальше, тем короче становилось время забастовок, намного быстрее, чем до 1921 г., ее участники удовлетворялись любыми уступками и сопровождали свои требования оговорками о лояльности.

Формы урегулирования конфликтов были разнообразными. Наилучшим исходом было бы полное удовлетворение просьб забастовщиков, но это удавалось не всегда — и из-за нехватки средств, и из-за боязни того, что и другие могут потребовать тех же уступок. Без особых препирательств шли навстречу стачечникам в тех случаях, когда работа прекращалась из-за невыплаты зарплаток, особенно на крупном предприятии, способном стать забастовочным центром города. Типичный пример — Путиловский завод, который в первые годы НЭПа начинал «волыннить», даже если задержка зарплаты составляла 1 день. Летом 1922 г. по этой причине здесь произошло несколько стачек, и с урегулированием спора не медлили: в одном из отчетов, в частности, сообщалось, что «поспешили с выдачей денег» [85; 92], а когда 6 августа 1921 г. завод вновь забастовал из-за невыдачи 50%-й продовольственной надбавки и хлеба за сверхурочные работы, завком постановил «независимо от ходатайств перед Союзом металлистов о возобновлении выдач, выдать» [70].

Легче было упредить забастовку выдачей хоть каких-то товаров и продуктов; когда же начиналась «волынка», требования рабочих обычно повышались. Арсенал «предупредительных» средств обычно зависел от возможностей властей и нередко определялся масштабом волнений на фабриках и заводах. С мелкими предприятиями можно было не церемониться, но крупные, такие как «Скороход», старались не обижать. В апреле 1920 г. каждому рабочему фабрики и члену его семьи было выдано по паре обуви, а те, как раздраженно подчеркивалось в листовке Петрогубпрофсовета (октябрь 1920 г.), «не успев износить выданную обувь... требуют летних парусиновых сапожек, раздачи производственного сукна и соли» [22]. В листовке отмечались такие причины решения о выдаче обуви: «учитывая отсталость рабочих фабрики “Скороход”, развращенность, порожденную подачками бывших хозяинов жизни — капиталистов» [22]. Сказать в полный голос о том, что стремились избежать стачки — а «Скороход» в 1919-1920 гг. постоянно сотрясали «волынки» — все же не рискнули. Когда товары и продукты вообще неоткуда было взять, шли на ослабление запретов на въезд мешочников в Петроград. З.Н. Гиппиус не без основания записывала в своем дневнике 29 апреля 1918 г. во время «хлебного» кризиса в городе: «Волнения на заводах, вероятно, подавлены, ибо разрешены опять мешочники» [5]. Надежнее, правда, было все же что-то дать. Элементарность поводов, вызывавших брожение среди рабочих⁸, диктовала и элементарность приемов борьбы с ним. «Настроение массы поправилось по получении 8 фунтов», — сообщалось о фабрике Печаткина на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 января 1919 г. [105]. Той же практики старались придерживаться и при волнениях, не ограничивавшихся рамками одного предприятия, — хотя в этом случае идти навстречу рабочим было труднее. Весной 1919 г., когда в Петрограде бастовали 35 тысяч человек (24% от общего числа работающих), рабочим был дан дополнительный трудовой паек — 1/2 фунта хлеба за каждый отработанный день [37, с. 412]. Впечатляющие масштабы эта тактическая уловка получила во время февральско-мартовских забастовок

⁸ См. донесения организаторов коллективов РКП(б) 1919-1921 гг.: на заводе Лоссаля «за последнее время происходили волнения по поводу ставок и по поводу пропажи ситца», в 12-й типографии «ввиду недостатка продовольствия настроение колеблющееся» [51]; на городских водопроводах «паек отпускается в ограниченном количестве, что создает брожение» [50]; в транспорте «есть недовольство на почве продовольствия», на заводе «Лангеншиппен» «отражается на массе несвоевременное получение продуктов» [53]. См. также сводку Петрогубпрофсовета о положении на предприятиях города 15—16 марта: «В предприятиях Союза печатников волнение на почве продовольствия» [59]; отчет завкома хлебозавода № 6 за февраль 1921 г.: «Кое-что получая, рабочие вполне спокойны» [27].

1921 г. — щедрость Петрокоммуны тогда превзошла обычные размеры ввиду боязни, что рабочие присоединятся к восставшим матросам⁹. Рабочим, которым еще недавно рассказывали про скудость запасов в Советской России, обусловленную разрухой, войной и блокадой, за три месяца 1921 г. выдали десятки тысяч штук белья и обуви, тысячи пальто, около 100 тысяч платков и шапок, всего товары получили 120 000 человек [21]. «...Кронштадтское движение не было ни в каком виде поддержано петербургскими рабочими именно потому, что упомянутые выше уступки Совета¹⁰ и экстренные выдачи предметов продовольствия, одежды и обуви возбудили у них надежду на улучшение материального положения», — писал позднее Ф.И. Дан [7, с. 112], который еще раз в своих мемуарах отмечал это событие [7, с. 108], объясняя только им конформизм рабочих.

Менее щедрыми власти были по отношению к разрозненным стачечным выступлениям, когда отсутствовала угроза их поддержки восставшими. Прямые отказы бывали редко, причем их старались не делать категоричными и оскорбительными, просто ссылались на «тяжелое положение» [60, л. 91, 141]. Старались хоть частично удовлетворить требования стачечников. Где-то рабочие довольствовались и этим, как, например, во время забастовки на Галерном острове 17 июня 1922 г. [60, л. 355]. Но там, где уступки являлись однозначно мизерными, стачку предотвратить не удавалось. Примером может служить уже отмеченная «волынка» на Центральной фабрике производства одежды в марте 1923 г.¹¹ Чаще всего, однако, ограничивались обещаниями «выяснить вопрос» в вышестоящих инстанциях или «доложить о нуждах». С помощью таких приемов, например, удалось прекратить забастовку на Балтийском заводе 7 марта 1921 г., в механической, кузнечной и судостроительной мастерских Балтийского завода в марте 1922 г., на заводе «Охта» в августе 1922 г. [56; 86; 91].

Иногда конфликт улаживался одними лишь разъяснениями политики тарифов и ставок¹², но нельзя исключить, что и в этих случаях

⁹ Опасения были небеспочвенны — об этом свидетельствует ряд документов февраля - марта 1921 г.

¹⁰ Имеется в виду снятие заградительных отрядов и объявление о предстоящей отмене разверстки.

¹¹ Здесь в ответ на требование рабочих уменьшить тарифы, сменить работников отдела нормирования и переизбрать фабком согласились лишь «проверить правильность вычетов, проверить нормы на некоторых операциях и в случае возможности изменить». В отчете о забастовке на вопрос: «В какой мере, по мнению Союза, удовлетворены рабочие» дан такой ответ: «Почти никакой». Тем не менее и эта забастовка была улажена «обещанием выяснения причин» [96].

¹² Это произошло, в частности, во время забастовки рабочих Северного проволочного и гвоздильного завода в декабре 1921 г. [79].

давались обещания. Иногда, правда, такие уловки не срабатывали, и фабзавкомы, которые должны были первыми вступить в неприятные объяснения с рабочими, торопили Союзы и тресты к действиям. Драматичным свидетельством подобного случая можно считать письмо завкома Обуховского завода, направленное одной из структур ВСРМ 24 июля 1922 г.: «...завком разъяснял рабочим, что немного нужно обождать. Но в настоящее время от рабочих поступают заявления о скорейшей выплате... пособий и... в более настойчивой форме, так что становится невозможным завкому делать рабочим те или иные разъяснения, так как ко всем нашим доводам рабочие начинают относиться с недоверием и говорят, что иначе не получишь, как только не прибегнешь к крайней мере, а крайнюю меру Союз знает» [89]. Лишь после вмешательства структур ВСРМ удалось погасить стачку на Кабельном заводе в августе - сентябре 1922 г. Рабочие здесь просили понизить нормы выработки до возобновления работ, им было предложено, прежде всего, прекратить «волынку» и только после этого начать пересмотр норм [74]. Во время забастовок на Путиловском заводе в марте 1919 г. и на Балтийском заводе в феврале - марте 1921 г. профсоюзы согласились даже на установление точных сроков выполнения обещаний — обычно в течение 2-х недель [65].

Главное, выиграть время, а там будет ясно, успеют ли подвезти продукты или рабочие свыкнутся со своим положением, их удастся убедить и одновременно втихомолку «изъять» с предприятий самых активных стачечников, запугав тем самым остальных. Лучше было бы вообще не давать обещаний, да заодно и не созывать собраний, на которых это приходилось делать. Такой простейший способ борьбы с «вольнками» предлагался, например, Петроградским губкомом ВСРМ в телефонограмме завкому завода «Нобель» 5 ноября 1921 г.: «...общего собрания рабочих и служащих вашего завода по указанным вопросам не должно быть, так как в настоящий момент по этим вопросам дать исчерпывающий ответ не представляется возможным» [82]. Этим способом, конечно, можно было оттянуть начало стачки, но едва ли он оказывался эффективен, когда ее не удавалось предотвратить, — для уговоров годилось именно собрание.

Во время затяжных стачек мы чаще встречаем комбинации приемов, включавших и посулы, и угрозы. Еще в 1921 г. четко обозначился предел уступок, за которым начинались собственно наказания. В годы войны таковыми являлись аресты и увольнения отдельных рабочих (и редко — их групп), а позднее — массовые локауты целых предприятий, стыдливо называвшиеся «перерегистрацией». Едва лишь начиналась «волынка», готовы были рассматривать любые требования, обещали помочь, даже если и понимали, что это неосуществимо, вели переговоры, упрашивали, взывали к пролетарской чести, разъясняли — но все до тех пор, пока забастовка не становилась многодневной. В такой ситуации фактически предъявлялся ультиматум. Так было во

время собрания на бастовавшем заводе «Нобель» 9 марта 1921 г. Здесь Г.Е. Евдокимов объявил о созыве общегородского совещания для решения вопросов, волнующих рабочих, подробно их перечислив (хлебный голод, разруха, топливный кризис, засилье бюрократов в советских учреждениях), о привлечении беспартийных «для широкой государственной работы», даже намекнул, что могут быть освобождены арестованные: «рабочие делегации должны договариваться с Комитетом обороны и союзами» [78]. После «пряника» тут же показали и «кнул»: «Ставится на голосование последний призыв Комитета обороны в лице тов. Евдокимова немедленно приступить к работам на заводе, иначе завод будет закрыт» [78]. Рабочие колебались, голосовали дважды, но затем «единогласно», при трех против и без поддержавшихся решили прекратить стачку со следующего дня [78]. Берите хотя бы то, что есть, будете упорствовать, получите жесткий ответ — такой совет давали профсоюзы и администрация и во время «вольники» на Голодаевской писчебумажной фабрике в июле 1921 г. Обилие сохранившихся документов о ней позволяет в деталях рассмотреть сценарий данного ответа.

На первом собрании рабочих фабрики, состоявшемся 9 июля 1921 г., на них еще пытались воздействовать увещеваниями, в которых не было пока категоричности и жестокости: «Тов. Борохов пояснил рабочим кратко положение, сказав что меры приняты, но сразу удовлетворить трудно, что же касается премиального пайка, то он выдаваться не может ввиду того, что все рабочие получают за работу сверх нормы» [98]. Допускался и диалог, но выступавшие рабочие касались только повседневных нужд данного предприятия, причем им свойственен был даже какой-то «просительный», отнюдь не агрессивный тон. Собрание выслушало и некоего Сергеева, который согласился работать при получении 2 фунтов хлеба за 3 дня («а фунт хлеба на 3 дня при таком физическом труде нас не удовлетворяет») [98] и председателя собрания Богданова, заявившего: «...если машину не смазать 1 день, она не работает, а мы тоже не получаем своевременно хлеб и поэтому работать не можем» [98]. Только просьбы и их мотивировки: никто не говорит об общем положении страны и пролетариев в частности и не делает далеко идущих выводов. В предложенных администрацией и профсоюзами условиях решения спора заметно стремление если и не полностью выполнить просьбы стачечников, то во всяком случае прекратить конфликт мирным путем. Компромиссом их, правда, назвать трудно. Старались ограничиться неопределенными обещаниями, но к угрозам еще не прибегали: «1. Приступить к работе, предъявляя требования Союзу, подлежащие к удовлетворению. 2. Приступить к выдаче имеющихся вещей. 3. Договориться с Союзом о ставках, подводя к более уравновешенным ставкам других фабрик и заводов» [98]. Рабочие отказались, но при этом старались не сжигать за собой мосты, а продолжить

поиск взаимоприемлемых договоренностей: «работать, сказали, мы согласны, но с данными предложениями не согласились, пока Союз не примет более точных мер» [98].

«Волынка» затянулась, и на следующем собрании, состоявшемся 12 июля 1921 г., мы видим других людей и слышим другой язык. Никакой неопределенности в выступлениях представителей администрации и профсоюзов нет — перешли к угрозам. Один из них заявил, что «общий паек увеличен быть не может ввиду тяжелого продовольственного положения... в случае неприступления к работе трудящихся закрыть фабрику, взамен таковой будет пущена другая фабрика, а рабочие будут рассчитаны» [99]. Здесь нет ни осторожных примирительных оговорок, ни туманных посулов. Другой оратор буквально скопировал тот же прием и пошел еще дальше, детализировав возможные последствия предстоящего наказания: «Положение очень тяжелое, хлеба прибавлено быть не может до нового урожая, и не нужно утешать себя тем, что закроется фабрика, рабочие будут отправлены на заготовку дров» [99]. Детализация на этом не закончилась: третья из выступивших «ответственных» работников «детально пояснила о положении фабрики, что рабочим придется пройти через учет и распределение рабочей силы, что же касается увеличения пайка, то не приходится и говорить» [100]. Она, правда, пообещала, что о «ставках на днях будет разрешен вопрос» [100], проигнорировав прозвучавшую ранее, реплику рабочего о том, что «ставки наши... давно рассматриваются и только одни обещания» [99].

Расчет запугать рабочих, не используя при этом «пряника», оказался неверным. Жесткость отказа спровоцировала радикализм бастующих. В их ответе, не в пример решению предыдущего собрания, отсутствовали примирительные нотки. Они не поддавались нажиму и проголосовали (при трех воздержавшихся) против возобновления работ. Теперь оставался лишь один выход: закрыть фабрику и «перерегистрировать» рабочих, что и было сделано. Об уступках после прекращения стачки свидетельств нет, но есть примечательное предложение одного из выступивших на заседании фабкома 28 июля 1921 г., поддержанное присутствовавшими: «...созвать на заседание всех мастеровых, коим внушить, дабы не говорили с трудящимися о тех недостатках рабочих рук, кои были уволены... дабы этим не сеять враждебное отношение к фабкому» [101]. Соккрытие последствий жестких приемов стало естественным продолжением конфронтационной тактики фабкома. Другим ее элементом следует считать применение репрессивных мер к тем, кто не захотел пройти «перерегистрацию»: «продуктов вовсе не выдать» [101].

В этом инциденте отчетливо обнажена механика давления на рабочих во время трудового конфликта: обещания, отказ от обещаний, усиление угроз и, наконец, осуществление этих угроз. Репрессивные

акции были разнообразны, но можно выделить несколько их основных видов: аресты и увольнения отдельных рабочих, массовые локауты и «оккупация» заводов и фабрик военными отрядами. Последняя мера, пожалуй, самая кардинальная, вызвала особый резонанс во время ликвидации «волынки» на Путиловском заводе в марте 1919 г. На заседании Петроградского комитета РКП(б) 15 марта 1919 г. было решено «ввиду агитации, ведущейся на заводе левыми эсерами, занять завод отрядом из кронштадтцев-матросов, прибавив 200 коммунаров из районов» [37, с. 179]. В опубликованном на следующий день обращении Петроградского совета «Рабочим и работающим Путиловского завода» использование войск объяснялось необходимостью «очистить его от левоэсеровских проходимцев» [30]. Получалось, что к самим рабочим претензий вроде не имели. Тем самым сохранялся и миф о святости пролетариата (краеугольный камень большевистской пропаганды), осуществлялась попытка расколоть рабочих на «проходимцев» и «честных», которые могли утешаться тем, что им ничего не грозит. По той же схеме объяснялись и аресты. Говорилось о том, что они применяются обычно к белогвардейцам, эсеро-меньшевистским провокаторам и агентам Антанты, но не к рабочим — не только к «честным», но и просто рабочим.

Впервые к арестам на фабриках и заводах прибегли летом 1918 г., когда ожидали всеобщую политическую забастовку в Петрограде. В телефонограмме М.С. Урицкого райсоветам города от 28 июня 1918 г. подчеркивалось, что борьба со стачкой может вестись «путем изъятия [и] ареста лиц, ведущих агитацию за забастовки, выяснения состава и ареста стачечных комитетов» [37, с. 141]¹³. К 1921 г. аресты на предприятиях стали обычным делом, хотя для сведения пролетариев города сообщалось, что берутся под стражу «ненастоящие» рабочие. Назвать аресты массовыми было нельзя. Не очень удобными и идеологически невыигрышными такие аресты являлись еще при «диктатуре пролетариата», да и масло в огонь подливать опасались: на предприятиях тогда, в отличие от более поздних времен, выдвигали требования освободить лиц, оказавшихся в заключении после «волынки» [95, 106]. Формально сигнал для арестов рабочих во время февральско-мартовских забастовок 1921 г. был дан из Москвы после получения телеграммы Г.Е. Зиновьева о листовках, «обнаруживающих характер контрреволюционной агитации» [11, с. 48]. В принятом Политбюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1921 г. постановлении под прицел чекистов было предложено взять, прежде всего, эсеров и меньшевиков, но не исключался и арест «одиночек-рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью» [11, с. 48]. В соответствии с постановлением в тот же день был составлен приказ ВЧК № 52 всем

¹³ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 141.

губернским чрезвычайным комиссиям, второй и третий пункты которого гласили: «2. Изъять активных эсеров, меньшевиков и анархистов, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям. Действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать по отношению к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности. 3. Решение об аресте лиц из рабочей среды принимать совместно с парткомом и всю эту работу обязательно согласовывать с ними» [109]. Той же осторожности по отношению к репрессиям против рабочих рекомендовалось придерживаться и в седьмом пункте приказа: «В случае выступления рабочих на улицу разлагать толпу включением в ее состав своих людей-коммунистов» [109].

Аресты Петроградская ЧК, впрочем, начала по собственной инициативе еще раньше. На заседании Петроградского совета 26 февраля 1921 г. председатель ПГЧК Н.П. Комаров заявил, что арестовано 100 рабочих [102]. Правда, стремясь смягчить свое выступление и успокоить собравшихся, он подчеркнул, что арестованные рабочие были связаны между собой (делался намек на какую-то организацию) и среди них находятся те, которые открыто призывали к вооруженному восстанию, а также «играют видную роль в с.р. группировках» [102]. Аресты, вероятно, были непродолжительными, не в последнюю очередь и ввиду бурных протестов на предприятиях. На заседании бюро фракции РКП(б) Петроградского губернского комитета ВСРМ 26 марта 1921 г. обсуждался, в частности, вопрос «о распределении рабочих по заводам, освобожденных из под ареста, арестованных во время волынки» [107]. Тогда это являлось немалой проблемой для властей. Рабочих возвращали на прежние места работы, что, как нередко передавалось в сводках тех дней, становилось толчком для слухов, нежелательных разговоров и даже волнений на предприятиях. Тактика различных профессиональных союзов, хлопотавших об арестованных рабочих, не была согласованной. Каждый из них решал такие вопросы, исходя из имеющихся возможностей, пользуясь своими связями, в зависимости от места в профсоюзной иерархии и от давления, оказанного на них на фабрично-заводских собраниях. В постановлении, принятом бюро фракции РКП(б), было предложено «пересмотреть списки рабочих представителями заводских организаций для выделения волынщиков, подлежащих возвращению на заводы», причем «тех рабочих, кои принадлежат к политическим партиям, ведущих борьбу против советской власти, а также лиц, проявляющих активное участие в организациях забастовок, на заводы не возвращать» [107].

Аресты практиковались и позднее, например, в мае 1921 г., когда вследствие нехватки продовольствия ожидали новых забастовок (они действительно вскоре начались). Аресты являлись скорее превентивной мерой (определяющим при этом была принадлежность к партиям

анархистов, эсеров и меньшевиков), но проводились только на отдельных предприятиях [2]. Не было массовых арестов рабочих и позднее, в 1922-1925 гг.

Эффективных инструментов давления на стачечников в те годы было немного. Штрафы старались не применять, чтобы не вызывать у рабочих нежелательных ассоциаций с временами царизма [4], да и неловко было это делать после потока социал-демократических листовок, представлявших вычеты из зарплаты как изощренную форму капиталистической эксплуатации. Чаще прибегали к увольнениям. Правда, встречая в документах такие выражения, как «устранены вредные элементы» [49], «несколько лиц пришлось удалить с фабрики» [8], трудно определить, в чем, собственно, состояло наказание. Это могло означать и арест, и увольнение, и перемещение на другие предприятия. Последнее было характерно для 1919-1921 гг., когда сложнее всего было увольнять ввиду прикрепления ряда категорий рабочих к фабрикам и заводам. Пробовали различные комбинации. Во время забастовки на Александровском заводе в начале 1919 г. Петроградский комитет РКП(б) согласился на предложение Невского РК РКП(б) «произвести чистку штатов завода через комитет труда» [43]. Когда началась стачка подносчиков и подвозчиков Путиловского завода в феврале 1921 г., президиум ПГК ВСРМ решил заменить их другими рабочими [45]. Во времена НЭПа ситуация стала иной. Так, после начала «волынки» на Центральной фабрике производства одежды в марте 1923 г. Петроградский комитет РКП(б) и Петрогубпрофсовет предложили тресту «произвести расчет рабочих, активно принимавших участие в забастовке, а также исключить из членов Союза» [36, л. 1], что впоследствии и произошло. Не требовалось теперь столь шепетильно, как в прошлом, выяснять, куда можно, а куда нельзя направлять «удаленных» с предприятий «волынщиков». Безработица стала спутником НЭПа, и работодатели получили в руки те козыри, которых зачастую были лишены в годы войны: накануне сокращения штатов многие рабочие старались быть покладистее и лишний раз не раздражать руководство предъявлением материальных требований.

Осторожнее всего использовали массовые увольнения — локауты. Такие увольнения иной раз являлись только превентивным средством и не имели репрессивного характера. В феврале 1921 г. было решено демобилизовать из частей гарнизона трудармейцев и отправить по домам трудмобилизованных [55, с. 103]. Опасались, что они станут бродильным элементом в начавшихся волнениях петроградских рабочих. Их «тяга на родину» была оценена автором краткого обзора деятельности Петроградского комитета РКП(б) в 1921 г. даже как одно из явлений, которое «на фоне голодовки в феврале месяце создали в Петрограде тяжелое политическое положение» [24]. Политические

мотивы данного решения тогда действительно не скрывались¹⁴, но следует заметить, что эти страхи были весьма преувеличенными. Трудармейцы и трудмобилизованные уж точно не были инициаторами забастовок, да и затруднительно это было, учитывая их «казарменное» положение. Среди участников стачек они оказались в значительной мере вынужденно, поскольку бастовали предприятия, за которыми они «закреплялись». Они чувствовали себя здесь, в городе, «изгоями». Им нужны были лишь хлеб и одежда, они стремились быстрее уехать в деревню, а не попасть на митинги. Они, как правило, являлись чуждыми пролетариям и вообще горожанам, жили обособленно, были разобщены, запуганы и подчинялись военной дисциплине.

Но страх, который испытывали перед «пришлым элементом», примечателен. Изучая его симптомы, можно отчетливо увидеть, на что власти готовы были пойти, лишь бы избежать эскалации стачек. Те же тактические приемы обнаружались в мае 1921 г. После подачек и обещаний, особенно щедро раздаваемых во время Беспартийного совещания рабочих в апреле 1921 г., город вновь оказался в тисках голода. Хлеба нет и до нового урожая взять его неоткуда, лимит доверия к посулам исчерпан, вновь начались, правда, пока еще без прежнего размаха, «волынки» — что делать? Арестовали, как водится, многих из «меньшевиков-анархистов и эсеров, как служащих в советских учреждениях, так и на отдельных предприятиях, где снова возобновились стачки» [2] — но этим голода не утолить. Выход нашли: сначала прекратили работу по субботам, затем приостановили работу отдельных групп и отраслей городской промышленности, а потом и вовсе отправили большинство рабочих в отпуск. «Это мы сделали, чтобы дать рабочим передохнуть» [2], — уверял один из выступавших на Пятнадцатой губпартконференции; предполагалось, разумеется, не двоякое, а единственно правильное ударение в последнем слове. Перенос выборов в Петросовет с лета на осень 1921 г. заботой об «отдыхе» объяснять все-таки постеснялись. Перед публикой говорили об этом как-то тихо и не очень внятно. В менее широких аудиториях открыто и прямо отмечали, что это тактическая уловка. Очевидно, надеялись, что осенью и урожай будет, и рабочие подкормятся, и с социалистами к этому времени смогут разобраться.

Конечно, это был не локаут, но и при локаутах проявляли осторожность, расценивая их все-таки как крайнюю меру. Впрочем, о старом названии массовых увольнений и речи быть не могло. Повсеместно использовали более нейтральный термин «перерегистрация». В этом обращении к эвфемизмам было что-то символичное, если иметь

¹⁴ Примечательно, что в постановлении объединенного собрания завкома, уполномоченных цехов, организаторов коллективов РКП(б), РКСМ и женской секции Путиловского завода 1 марта 1921 г. подчеркивалось, что «коммунисты отпуску не подлежат» [40].

в виду, как медленно и постепенно, видя бесперспективность менее суровых приемов борьбы, свыкались с мыслью о неизбежности локаутов. Протоформы послеоктябрьских локаутов начали выкристаллизовываться еще в 1918 г., когда стало ясно, что одними уговорами, ссылками на пролетарскую дисциплину и интересы революции не удастся преодолеть стачечный синдром. События на Обуховском заводе в конце июня 1918 г., приведшие к его закрытию и увольнению нескольких тысяч рабочих (чуть более половины из них было принято на работу позднее) [25; 37, с. 127], можно считать первой и, надо сказать, эффективной репетицией будущих «перерегистраций». Плохо скрываемые формы локаутов применялись и во время забастовки на Путиловском заводе в марте 1919 г. Согласно постановлению Петроградского комитета РКП(б), на завод было решено пропускать только тех рабочих и служащих, «которые согласились стать на работу» [44]. Предвосхищало тактику, ставшую обычной в недалеком будущем, и создание комиссии, которой поручалось «выбрать момент для чистки штатов (удалить все провокаторские элементы)» [44].

К февралю 1921 г. перерегистрации воспринимались как неотъемлемый атрибут «урегулирования», особенно на крупных предприятиях, подкупить которые не хватало средств, а уговорить недоставало умения. Начали с Трубочного завода и фабрики «Лаферм», долгое время бастовавших. На заседании Петроградского губкома РКП(б) 24 февраля 1921 г. решили их закрыть, а «рабочих туда не пускать, за исключением тех, которые нужны для ремонта» [55, с. 106]. Здесь же давалось поручение бюро ЦК РКП(б) по согласованию с военными структурами «закрывать заводы в зависимости от хода событий» [55, с. 106]. Не дождавшись первых итогов перерегистрации, попытались сделать ее универсальным антистаечным инструментом, последствия чего оказались непредсказуемыми. Толпа собралась у закрытых ворот Трубочного завода, организовала манифестацию, начались столкновения с красными курсантами, и хотя все обошлось без жертв, поползли слухи о расстрелах на Васильевском острове. Это стало прелюдией к стачечному взрыву в Петрограде — именно это, а не снижение объемов пайка и не отправка рабочих на заготовку дров. Почувствовав, что обожглись, желая одним махом достичь того, что требовало многоходовых комбинаций, власти в остальные «кризисные» дни не рисковали проявлять столь неосмотрительную поспешность. Перерегистрации проводились изредка лишь на мелких предприятиях, и только 7 марта 1921 г., когда стачечная активность рабочих заметно пошла на убыль, не побоялись закрыть Обуховский завод [62, с. 133]. В дальнейшем к перерегистрациям прибегали редко¹⁵, да

¹⁵ В частности, локауты были осуществлены на Голодаевской писчебумажной фабрике летом 1921 г., в кузнечной мастерской Путиловского завода весной 1922 г. [84; 101].

в том тогда и не было нужды. Четко заработавший (как раз благодаря учету опыта выступлений 1921 г.) механизм отсеивания активных в прошлом «волынщиков», да и просто подозрительных лиц, в сочетании с укрепившейся системой государственного сыска и партийного контроля в цехах, был эффективным и без локаутов. Он давал возможность более спокойно, не будоража массы, «удалять», «устранять», «чистить», «сокращать» — и придумывать другие, более экзотичные термины, служившие маскировкой репрессий.

Пропагандистская антистачечная кампания в прессе и на собраниях была столь же обязательным атрибутом того времени, сколь и наказания, хотя точно ее место в противодействии «волынкам» оценить все же трудно. Неясна, прежде всего, реакция на нее рабочих: до нас дошли лишь фрагментарные и весьма краткие свидетельства на сей счет. Риторика и драматические оттенки были присущи антизабастовочной аргументации преимущественно в годы войны. Позднее надрыв и пафос исчезли — появилась уверенность, что там, где крик окажется слабым, многое можно решить кнутом.

Указание на опасность момента — одно из наиболее употребительных в те годы средств. Логичным продолжением этого стало и описание последствий забастовок, во многих случаях не свободное от преувеличений. О «тяжелом времени», ввиду чего недопустимо использование стачек, заговорили, впрочем, еще до начала гражданской войны. Два собрания рабочих и служащих Экспедиции заготовления государственных бумаг, состоявшиеся 29 октября 1917 г., отвергли забастовки, прислушавшись к речам выступавших, «призывавших в такое тяжелое время не увеличивать раздоры в демократии» [26]. Чуть позднее этот штамп становится расхожим. Он, конечно, модифицируется, но его основа не меняется: всегда существует нечто очень важное, чему любые «волынки» (и, разумеется, всякие волнения) могут угрожать. В апреле 1918 г. предостерегали рабочих от забастовки, поскольку именно «в настоящий момент», как подчеркивалось, «рабочий класс обязан в интересах революции напрячь всю свою энергию и силу для поднятия производительности труда» [57]. На собрании рабочих завода «Шапошников и К^о» 3 июля 1918 г. один из ораторов «в своей продолжительной речи указал на пагубность каких бы то ни было стачек рабочих в данный тяжелый момент», потому что «всякие забастовки, хотя бы и незначительные, послужат только во вред общему делу завоеваний революции» [37, с. 143]. «Контрреволюционными, исходящими от черносотенных элементов» счел стачки делегатский совет профессионального союза рабочих железных дорог Петроградского узла в принятой им 28 июля 1918 г. резолюции — ибо они проводились «в сей грозный для нашей трудовой революции час, когда нужна широкая самодеятельность железнодорожного пролетариата для спасения самого чуткого аппарата народного хозяйства — транспорта» [66].

Как видим, мотивировки причин, которые делали тот или иной момент «грозным», являлись различными и могли быть соотнесены с фазами послереволюционной ситуации. Эту соотнесенность, правда, нельзя признавать обязательной и прямой, поскольку многое зависело от кругозора пропагандистов, их находчивости¹⁶ и умелого владения приемами напыщенной декламации. В целом же эти мотивировки не выходили за рамки традиционных пропагандистских стратегий. Исходным тезисом служило указание на характеристики времени (оно могло быть и «трудным», и «опасным» или «важным»), потом отмечались действия, которые способны усугубить положение («волынки») и затем подчеркивалось то, к чему это могло привести и назывались те, кто бы мог этим воспользоваться. К 1921 г. перечень последних был четко сформулирован. Это монархисты и кадеты, это эсеры и меньшевики, о которых «Красная газета» писала, что они «говорят и хотели бы сделать то, что выгодно буржуазии» [9], и, наконец, белогвардейцы всех мастей [16; 29]. Что общего могло быть между Милюковым и остановкой работ на каком-нибудь заводе из-за нехватки продовольствия? Но стоило лидеру кадетов опубликовать статью «Программы восстаний», как «Красная газета» тут же предупредила: «Пусть рабочие подумают, что всякие волынки, перебой в работе, буза и канитель, на которую их подбивали и будут подбивать “беспринципные” пособники кадетов, есть только первые шаги для выполнения программ восстания, которые пишет испытанный вождь русской буржуазии» [15]. Такие натяжки могли сразу бросаться в глаза в серьезных аналитических статьях и обзорах, но для передовых статей это было привычно и естественно, и с этим свыклись. Перечислялись лица и партии, которые пропагандисты считали достаточно дискредитированными; их порочность могла подчеркиваться тут же и еще раз, при описании деталей конкретного события, например, стачки путиловцев в марте 1919 г.: «Действуя якобы от имени путиловских рабочих, левоэсеровские агитаторы разбрасывают погромного характера прокламации» [29]. Увязывая забастовки с деятельностью одиозных лиц, тем самым бросали тень и на самих стачечников.

¹⁶ Примером такой находчивости можно счесть утверждение одного из выступавших на Петроградском трубочном заводе 9 июля 1920 г. о том, что забастовки «разлагающе действуют на передовые силы нашей доблестной Красной Армии» [77]. Сколь бы непривычной ни казалась такая связь, выявление ее представляется логичным в рамках следующего силлогизма: если чьи-либо действия угрожают революции, а армия является ее защитницей, то, значит, они угрожают и армии. Подчеркнем, что и в других случаях также ставились на одну доску в то время «реальные» и «формально-логические» последствия каких-либо событий: то, что могло произойти, нередко оценивалось как то, что произошло.

В 1921-1923 гг., несмотря на прекращение войны, «серьезность» момента продолжала подчеркиваться в антистачечных публикациях — хотя, может, и не столь пафосно¹⁷. Отчасти здесь сказались инерция приемов прошлых лет, и замечание П. Куделли о молодежи, бастующей «в то время, когда теперь нельзя ни секунды рабочего времени и топлива тратить бесплодно» [19], подразумевало скорее отсылку к штампам, хотя и не названным, но настолько привычным, что они не требовали подробной расшифровки. То же можно сказать и об обращении Беспартийного городского совещания в апреле 1921 г. «К рабочим, работницам и крестьянам всей России». Тут не стали уточнять, в чем состоит «опасность» положения, ограничившись лишь оговоркой, что оно «сейчас таково, что если мы напрягем все усилия, если все сознательные рабочие будут дружно работать, то мы в течение сравнительно короткого времени выиграем все» [14]. Мало чем пояснены и содержащиеся здесь же указания на «решающее переходное время». Поскольку оно неизменно фигурировало (в различных модификациях) во многих «агитках», дополнительные разъяснения казались излишними. Для составителей обращения данная невнятица, правда, была вынужденным тактическим ходом: хотели быстрее одобрения такого документа, который бы устроил всех, а не спровоцировал бесчисленные поправки. Было, однако, заметно, что хотя и пытаются по старинке следовать прежним методам, действуют еще не так уверенно, как в прошлом. Нет Деникина и Колчака, нет интервентов и белогвардейцев, нет блокады и сплоченной Антанты — привычных фигур в идеологических комбинациях пропагандистов. Чем теперь обосновывать призывы к самоотверженному труду и максимальному напряжению сил? Нужны были новые характеристики тех драматических условий, которые так же требуют от трудящихся самопожертвования и героизма и при которых, разумеется, недопустимы стачки. Они были выработаны и нашли достойное место в агитационном инструментарии не сразу, но все чаще стали применяться аргументы, более сообразные с реалиями начала 1920-х гг.

Поскольку гражданская война закончилась, на первом плане, естественно, оказалась «внешняя» угроза. Ей можно было противопоставить только сплоченность, которую подрывают любые волнения, и стачки в особенности. В двух передовых статьях, опубликованных в газете «Известия Петроградского Совета» в конце февраля 1921 г. [12; 63], прямо отмечалось, что забастовки затормозят переговоры с

¹⁷ На общем собрании рабочих 28-й типографии докладчик, предостерегая от забастовок, например, не говорил ни о «сложности», ни об «опасности» момента, а просто подчеркнул, что «со своей стороны считает таковые недопустимыми на предприятиях первостепенной важности и имеющих государственное значение» [93].

Англией и Польшей, и вообще весть о разладе в России «заставит хозяев Европы длить свою тактику саботажа и поставить под вопрос дальнейшее снабжение России товарами» [10]. Переговоры со временем успешно заканчивались, договора заключались, однако фактор внешней угрозы продолжал использоваться в антизабастовочных акциях и позднее. Характерный пример — «волынка» на «Красном путиловце» в мае 1923 г. В постановлении делегатского собрания завода 15 мая 1923 г. она была сочтена «выпадом против Советской власти», так как произошла «в тот момент, когда Советской республике угрожает ультиматумом лорд Керзон» [69]. Вывод сделали безапелляционный: «Всякий, приносящий ущерб промышленности, помогает нашим врагам» [69].

В ряде антистачечных публикаций политическая риторика являлась менее заметной. Они прагматично учитывали скорее экономические и социальные последствия забастовок. Главная их доминанта — «волынки» не улучшат положения рабочих [6; 67], ибо сколько ни бастуй, товаров получить неоткуда. Они появятся только в результате упорного труда на фабриках и заводах. «Никакое правительство не сможет выкопать из-под земли все, что нам нужно», — говорилось в опубликованном в феврале 1921 г. обращении «Работницы, будьте на страже» и тут же давался нехитрый рецепт лечения экономики: «Не путем пререканий мы можем улучшить свое положение, а лишь общей дружной работой по борьбе с топливным кризисом» [17]. Возможно, куда более действенным был намек на то, что забастовки ухудшат и без того незавидное материальное положение рабочих и, вдобавок, нанесут им ощутимые убытки. Примечательно, что упрекая рабочих 1-й государственной мельницы в том, что они «самостоятельно оставили станки на холостом ходу машин», один из ораторов предупреждал, что это «может принести большой ущерб не только государству, но и рабочим» [48], — видимо, такое подчеркивание представлялось ему более эффективным, чем одни лишь ссылки на интересы революции и опасную международную ситуацию. Вариации этой тактики не были замысловатыми. Где-то грубо и без обиняков говорили, что забастовка ведет к лишению самих рабочих куска хлеба, который по настоящее время они зарабатывали на фабрике [37, с. 143]. Где-то стыдили забастовщиков тем, что они «нанесли большой ущерб... всем рабочим завода» [41], а во время забастовки некоторых мастерских «Красного путиловца» в октябре 1923 г. сказали даже, что «всякая приостановка работ губительно отзывается на производстве и на бюджете, а также на самих рабочих» [47]. Примечательно, что ни в одном из приведенных эпизодов никто конкретно не уточнял, какой урон будет нанесен рабочим и почему это «губительно» отразится на них. Можно было, конечно, изловчиться и доказать, что отсутствие станков приведет к голоду среди рабочих, но вряд ли это

повлияло бы на них, поскольку именно после «волынок» они получали хоть какие-то продукты или товары. Все это было скорее похоже на плохую и примитивную игру, и не исключено, что один из выступавших на делегатском собрании фабрики «Скороход» 4 апреля 1921 г. выразил мнение многих, спросив: «...почему не предусматривали того, что рабочим нужно выдать вещи и продукты, которые сейчас намечаются, до волынки, только теперь... пришли и начали с нами разговаривать, нужно было раньше предусматривать» [42].

В антизабастовочных кампаниях были еще заметны обращения к совести и чести рабочих, попытки их увещевания, ссылки на их революционные заслуги. Привычно недоумевали и о том, что рабочие бастуют на тех предприятиях, которые им принадлежат¹⁸. Содержание этой части «антиволыночных» акций представляется наиболее риторичным. «...Кому больше всех дала революция? Тому, кто больше всех был бесправен и эксплуатируем при царско-буржуазном режиме», — спрашивала и сама же отвечала на свой вопрос П. Куделли, призывая к порядку молодых работниц [19]. Полезнее было бы, если бы она детальней назвала то, что дала революция, но перечисление ее «завоеваний» тоже оказалось бы риторичным и пафосным. Эта декларация была далека от тех забот, которые волновали работниц, да и от того мира, в котором они жили. Они еще не работали (по малолетству) при «царско-буржуазном режиме» и, конечно, не могли по достоинству оценить те «милости», которыми их щедро одарила революция. Но это отнюдь не значило, что такие «ретроспективные» задания в целом являлись бесполезными. Их сила была в том, что они легко «прочитывались» и усваивались, будучи соотнесенными с элементами тотальной системы пропагандистского воздействия, которое охватило все общество. Общие политические аллюзии, щедрое использование идеологических клише, заимствование отшлифованных прежде блоков аргументации делали антизабастовочную кампанию еще одной школой политического воспитания. Эту школу не создавали специально, как многочисленные политические кружки. Она возникла в известной мере стихийно, когда лихорадочно искали быстродействующие и убедительные доводы для того, чтобы предотвратить или как можно быстрее прекратить стачки. Но она закрепляла и делала еще более привычными штампы, которые заучивались в бессистемных агиткампаниях, в манифестациях и митингах, в следовавших бесконечной чередой политических профсоюзных собраниях.

¹⁸ См. статью Д. Трилиссера «Не дают оправиться» [64]; см. также: [18; 33; 34]. Показательно выступление одного из профсоюзных активистов на собрании рабочих Балтийского завода 12 июля 1922 г.: «Если бы Союз работал при капиталистах, то можно бы призывать к стачке и т. д., но теперь Союз не видит перед кем выставлять ультиматум и забастовки, а особенно на государственной промышленности» [82].

Говоря о значимости «разъяснительной» работы, всех этих предостережений, увещеваний и обращений, следует заметить, что ее эффект нельзя правильно оценить, не приняв во внимание и запугивание, и аресты. Что, в конечном счете, удерживало рабочих от участия в «волынке» — удачное слово оратора или плач женщин, горевавших об утрате кормильца — об этом мы мало найдем свидетельств в документах тех лет. Но сколь бы фрагментарными последние ни были, можно, хотя и контурно, представить, так сказать, повседневность стачки и обнаружить в ней очень примечательные штрихи. Они проявлялись постепенно, но выглядели весьма симптоматично. Первое — это исчезновение собственно рабочих традиций забастовок. Постановление общего собрания рабочих Лесной биржи и завода А.В. Соколовой о том, чтобы «поддержать забастовку и требования товарищей служащих, не занимая их должностей и охраняя их места от штрейкбрехеров» [37, с. 140], было если не единственным, то едва ли частым в первые послереволюционные годы. Вообще словом «штрейкбрехер» тогда пользовались столь осмотрительно, что, и перевернув целый ворох документов, мы едва ли найдем его. Даже за арестованных рабочих не всегда просили, довольствуясь зачастую неопределенными обещаниями, а уж за уволенных вследствие «неблагонадежности» или просто «сокращенных» с начала 1920-х гг. почти никто не вступался: надеялись только, что эта участь их минует. Излишне говорить и о каких-то мощных стачечных комитетах и других формах объединения рабочих бастующих предприятий после разгона Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в середине 1918 г. Можно наблюдать лишь редкие, локальные и, как правило, безуспешные попытки координации действий «волынщиков». Еще менее можно говорить о солидарности с бастующими рабочими, особенно в стачках после 1921 г. — присоединение «из солидарности» к стачечникам одного из цехов Балтийского завода в июле 1922 г. [87] было едва ли не единственным случаем за это время. В других случаях (что очень показательно) «солидарность» была вынужденной, поскольку либо рабочих силой «снямали» с предприятий, либо останавливались главные цеха, что делало невозможным продолжение работы и цехов вспомогательных [55, с. 112; 38]. Почти ни в одной стачке мы не видим, чтобы бастовали все рабочие предприятия — и особенно после 1921 г. [80; 90; 92].

Второе, становится очень заметной слабая сопротивляемость стачечников. Только на Трубочном заводе в феврале 1921 г. «перерегистрация» вызвала политическую манифестацию. На других предприятиях локаутom быстро прекращались любые забастовки. Немного можно встретить сведений о том, что прошедшие через сито проверочных комиссий во время «перерегистрации» рабочие продолжали «итальянскую» тактику, — все как-то кончалось в одночасье, разом.

Характерным можно считать и поведение рабочих во время «волынок». Ранее отмечалось, что забастовки постепенно становились все более краткими и к середине 1920-х гг. ограничивались несколькими часами, нередко заканчиваясь без удовлетворения каких-либо просьб. Это не было случайным. Стоило «волынке» продлиться один день — здесь подозревали целую организацию провокаторов, несколько дней — находили умелую руку политических противников (меньшевиков и эсеров), спустя неделю могли начаться и аресты. Об этом хорошо знали и скорее расценивали остановку работ не как рычаг давления, а как предупредительный сигнал — а для этого было достаточно и нескольких часов.

И, наконец, важной приметой забастовки стало изменение самого ее сценария. Хорошей иллюстрацией здесь являются события 1921 г. После того, как в Экспедицию заготовления государственных бумаг ворвалась толпа из 100 человек, ее рабочие, ответив на призыв, прекратили работу — но на улицу, куда их звали, не вышли [61]. На одной из верфей стачечникам удалось увести за собой часть рабочих — последние, далеко не уйдя, тут же вернулись к своим местам [68]. На Обуховском заводе рабочие, не желавшие трудиться, не остались, однако, дома, а к утреннему свистку столпились у заводских ворот. Заходить не хотели, но как только прозвучал третий свисток и ворота стали закрываться, пошли на завод. Хотели устроить собрание, им было отказано, но только после объяснений представителей заводоуправления разошлись по домам [55, с. 113], — возможно, сочтя это легитимизацией своих действий или удостоверясь еще раз, что ничего страшного им не грозит. Везде чувствуется какая-то оглядка, страх, опасение сжечь мосты — и желание гарантий, что с ними не расправятся. Не случайно все стремились узнать, продолжают ли бастовать крупнейшие заводы или целые районы, и часто присоединялись к ним, даже не выдвигая никаких требований. Надежней было укрыться за спиной промышленных гигантов — кто бы в этом случае стал обращать внимание на мелкие предприятия. Но коль скоро стачки на таких крупных заводах заканчивались, тут же и остальные рабочие спешили на свои предприятия, и везде проявлялся общий конформистский настрой. И сопротивляться не надо, и о требованиях стоит помолчать, и нужно как можно быстрее занять свои места и работать, работать, работать.

Говорить о том, что забастовки с начала 1920-х гг. продолжали оставаться школами сопротивления, никак нельзя. Точнее было бы их назвать школой выживания, ради которого вынуждены были поступиться многим, школой выработки уловок и маскировки и, наконец, школой обретения нового языка. Он-то и нужен был, когда стачечники (и весьма часто) отвергали свою принадлежность к контрреволюции, заучивая тем самым азы политического послушания. Эта школа

была очень важна и для того, чтобы понять силу кнута, чтобы сильнее почувствовать голод и нищету как следствие наказаний — а страх перед ними позднее мог побудить человека отказаться от участия и в других, не забастовочных, оппозиционных акциях. Вероятно, власти на первых порах могли не подозревать о том, что борьба с забастовками станет особой «воспитательной» практикой — цели ее представлялись более прозаичными и утилитарными. Никто специально не провоцировал трудовые конфликты, и, конечно, власти были бы рады, если бы их удавалось избежать, но «побочный» эффект этой борьбы был именно таким. Все, что противостояло конформизму — узы рабочего товарищества и взаимной поддержки, чувство достоинства и самоуважения, способность к сопротивлению и отстаиванию независимых взглядов, — все это развенчивалось, ослаблялось и утрачивалось. Не столько формировался «новый» человек, сколько проступали и вновь затверживались в человеке архаичные и, казалось, сметенные послефевральской бурей реликты страха, лояльности и безразличия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастионы революции. Страницы истории ленинградских заводов. Выпуск II. Борьба за упрочение Советской власти в годы гражданской войны. Л., 1959. С. 19.
2. Бюллетень пятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП № 2. 28 сентября 1921 г. С. 4.
3. Вестник Областного Комиссариата внутренних дел СКСО. 1918. № 1. С. 44.
4. Генкин Л.Б. Становление новой дисциплины труда. М., 1967. С. 94.
5. Гиппиус З. Живые лица: воспоминания. В 2- тт. Т. 2. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 368.
6. Глебов-Авилов Н. Конфликты и стачки // Красная газета. 1922. 29 марта.
7. Дан Ф.И. Два года скитаний. 1919-1921. Берлин, 1922.
8. Доклад о положении на фабрике Лаферм на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 19 марта 1919 г. // ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 18.
9. Долой волынку (передовая статья) // Красная газета. 1921. 24 февраля.
10. Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1921. 28 февраля.
11. Казанцев Б. Н. Материалы государственных партийных и профсоюзных органов о выступлениях рабочих на предприятиях Советской России в 1918-1928 гг. По фондам РЦХИДНИ и ГАРФ // Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Мичиган. ун-т; Ред. Ю.И. Кирьянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
12. Кому идет на пользу волынка? // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1921. 25 февраля.
13. Красная газета. 1918. 16 марта.
14. Красная газета. 1921. 12 апреля.
15. Красная газета. 1921. 11 мая.
16. Красная газета. 1921. 24 февраля.

17. Красная газета. 1921. 25 февраля.
18. Красная газета. 1921. 9 марта.
19. *Куделли П.* Женский день и контрреволюция // Петроградская правда. 1921. 8 марта.
20. *Лебедева Н.Б.* Документы ЦГАИПД Санкт-Петербурга о конфликтах, волынках и забастовках на предприятиях Петрограда-Ленинграда в 1918-1929 гг. // Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Мичиган. ун-т; Ред. Ю.И. Кирьянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 101.
21. Ленинградская кооперация за 10 лет. Л., 1927. С. 323.
22. Листовки петроградских большевиков. 1917-1920. Том третий. Л., 1957. С. 436.
23. Мелочи жизни (передовая статья) // Красная газета. 1921. 2 апреля.
24. Минувший партийный год: краткий обзор деятельности Петроградской организации РКП за 1921 год // Петроградская правда. 1922. 1 января.
25. Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде. 1917-1920 гг. / Под ред. А. В. Бенедиктова. Т. II. Л., 1960. С. 32.
26. Новая жизнь. 1917. 31 октября.
27. Отчет завкома хлебозавода № 6 за февраль 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 61. Л. 37.
28. Петроградская правда. 1910. 1 июля.
29. Петроградская правда. 1919. 15 марта.
30. Петроградская правда. 1919. 16 марта.
31. Петроградская правда. 1919. 25 марта.
32. Петроградская правда. 1919. 28 марта.
33. Петроградская правда. 1921. 3 июля.
34. Петроградская правда. 1921. 27 июля.
35. Письмо Петербургского комитета РКП(б) 29 ноября 1920 г. // ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 370. Л. 4.
36. Письмо секретариата Петроградского губернского отдела Всероссийского союза рабочих швейной промышленности ЦК Союза. Март, 1923 // ЦГА СПб. Ф. 6006. Оп. 7. Д. 57.
37. Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»: Окт. 1917-1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. / Отв. ред В.Ю. Черняев. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 2000.
38. Питерский комсомол в гражданской войне. Л., 1934. С. 158.
39. Положение труда в Ленинградской губернии в 1923 и 1-ой четверти 1924 г. Статистический сборник. Л., 1924.
40. Постановление объединенного собрания завкома, уполномоченных цехов, организаторов коллективов РКП(б), РКСМ и женской секции Путиловского завода 1 марта 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 96. Л. 15.
41. Протокол делегатского собрания «Красного путиловца» 15. мая 1923 г. // ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 172.
42. Протокол делегатского собрания рабочих и служащих фабрики «Скорород» 4 апреля 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 239. Д. 10. Л. 49.
43. Протокол заседания Петербургского комитета РКП(б) 3 февраля 1919 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»: Окт.

- 1917-1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. СПб.: Блиц, 2000. С. 175.
44. Протокол заседания Петроградского комитета РКП(б) 15 марта 1919 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»: Окт. 1917-1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. СПб.: Блиц, 2000. С. 179.
 45. Протокол заседания Президиума ПГК ВСРМ 19 февраля 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 83.
 46. Протокол о заседании фабкома с управлениями всеми комиссиями и представителями Выборгской бумагопрядильной фабрики 8 февраля 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 2655. Оп. 17. Д. 70. Л. 67.
 47. Протокол общего собрания Ново-механической мастерской Путиловского завода 13 октября 1923 г. // ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 174. Л. 61.
 48. Протокол собрания делегатов рабочих и служащих 1-й государственной мельницы 9 марта 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 6261. Оп. 7. Д. 31. Л. 29.
 49. Протокол собрания коллектива РКП(б) Государственной невской фабрики шерстяных изделий 23 июня 1921 г. // ЦГАИПД. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 17 об.
 50. Протокол собрания организаторов и инструкторов коллективов РКП(б) Смольнинского района 24 ноября 1920 г. // ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.
 51. Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) В/о района 19/3-1919 г. // ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 17-18.
 52. Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 июля 1919 г. // ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 59 об.
 53. Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) фабрик и заводов Петербургского района 25 февраля 1921 г. // ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49.
 54. Протокол собрания рабочих типографии Сыркина 3 января 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 1.
 55. Лухов А.С. В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. // Красная летопись. 1930. № 4 (37).
 56. Лухов А.С. Кронштадтский мятеж в 1921 г. [М.], 1931. С. 125.
 57. Резолюция, принятая на совещании Нарвско-Петергофского совета рабочих и красноармейских депутатов, партий большевиков и левых эсеров 4 апреля 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 2. Д. 175. Л. 1.
 58. Розенберг В. Формы и способы рабочего протеста в России 1918—1929 гг. // Трудовые конфликты в советской России 1918—1929 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Мичиган. ун-т; Ред. Ю.И. Кириянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 13.
 59. Сводка Петрогубпрофсовета о положении на предприятиях города 15-16 марта // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 555. Л. 17.
 60. Сообщение о забастовках на Металлическом заводе 19 мая 1922 г. и заводе «Промет» 20 мая 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61.
 61. Справка о настроениях рабочих и «волыночном движении» на фабриках и заводах гор. Петрограда с февраля по 5 марта 1921 г. // Кронштадтский мятеж. Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1931.
 62. Справка о настроениях рабочих и «волыночном движении» на фабриках и заводах гор. Петрограда с 25 февраля по 5 марта 1921 г. // Кронштадтский мятеж: Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1931.
 63. Товарообмен с Европой и враги Советской России // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1921. 28 февраля.
 64. Трилиссер Д. Не дают оправиться // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 2 марта.

65. Усанов П.В. В дни «волынки» и Кронштадтского мятежа // Молодежь в революции. Сборник. Апрель - май 1931. Л., 1931. С. 68.
66. Хаин А. Пройденный путь. Союз мастеровых и рабочих железнодорожников Петроградского узла в 1917-1929 гг. по личным воспоминаниям и некоторым документам. М.; Л., 1925. С. 42.
67. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 39.
68. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 68.
69. ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 172. Л. 23.
70. ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 96. Л. 38.
71. ЦГА СПб. Ф. 4511. Оп. 5. Д. 12. Л. 51.
72. ЦГА СПб. Ф. 4511. Оп. 6. Д. 61. Л. 9, 91, 141, 171, 322, 363.
73. ЦГА СПб. Ф. 4511. Оп. 6. Д. 62. Л. 4, 5, 8.
74. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 62. Л. 255.
75. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 5.
76. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 2. Д. 74. Л. 6.
77. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 258.
78. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 186.
79. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 51.
80. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 26.
81. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 27. Л. 4-5.
82. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 4. Л. 200.
83. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 12. Л. 85.
84. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 168.
85. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 171.
86. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 322.
87. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 323.
88. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 355.
89. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 364.
90. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 61. Л. 91, 141, 158, 171, 355, 363.
91. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 62. Л. 32-33.
92. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 62. Л. 82.
93. ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 6. Д. 34. Л. 39.
94. ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 212.
95. ЦГА СПб. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 65.
96. ЦГА СПб. Ф. 6006. Оп. 7. Д. 57. Л. 7.
97. ЦГА СПб. Ф. 6006. Оп. 7. Д. 57. Л. 71.
98. ЦГА СПб. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5. Л. 41.
99. ЦГА СПб. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5. Л. 42.
100. ЦГА СПб. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5. Л. 43.
101. ЦГА СПб. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5. Л. 45.
102. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 11.
103. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 279.
104. ЦГАИПД. Ф. 376. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1 об.
105. ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 1.
106. ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 53.
107. ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 27. Л. 55.
108. ЦГАИПД. Ф. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 19.
109. ЦГАИПД. Ф. 9. Оп. 1. Д. 317. Л. 7.
110. Шкаровский М.В. Документы ЦГА Санкт-Петербурга о трудовых конфликтах в 1918–1928 гг. // Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Мичиган. ун-т; Ред. Ю.И. Кирьянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 1998.